

Под раскидистым платаном во дворе малыш старательно, движение за движением, отрабатывал фехтовальные приемы. Стоило Юэ Сючжи похвалить его успехи, как мальчишка буквально сиял от счастья, теряя голову от восторга. Если же что-то не получалось и наставник мягко указывал на ошибки, кроха принимался обиженно сопеть, а затем утыкался носом ему в грудь и ластился, умоляя показать движение еще раз — обязательно рука в руку.

Наблюдавший со стороны Босс Пэй лишь холодно усмехался. Этот паршивец уже давно все усвоил и просто-напросто притворялся неумехой.

Пришла зима. Ветки платана оделись в пышные снежные кружева, и вся земля вокруг укрылась чистейшим белым покрывалом. Кроха, укутанный в тяжелую песцовую шубку, казался совсем забавным: круглым, неуклюжим и короткоруким. На его обычно не по-детски серьезном, миловидном личике теперь цвела совершенно глупая, восторженная улыбка. Едва закончив очередную связку приемов, он нетерпеливо оборачивался к статному юноше, облаченному в роскошные лисьи меха. И наставник оправдывал его ожидания — мягко взъерошивал пушистую макушку и дарил заветное слово похвалы.

Чистый снег во дворе пестрел глубокими и едва заметными следами: крошечные отпечатки детских сапожек перемежались с уверенными шагами взрослого человека. Они переплетались и накладывались друг на друга, безмолвно свидетельствуя о трогательной близости.

Должно быть, слепящая белизна сугробов слишком резала глаза. Пэй Мин отвел взор и уставился на покачивающиеся от ветра ветви платана. Его лицо оставалось бесстрастным, а мысли — непостижимыми.

Когда солнце покатилося к закату, заливая комнату теплым золотистым светом, Юэ Сючжи взял ладонь мальчугана в свою и принялся бережно выводить вместе с ним иероглиф за иероглифом. Черноволосый наставник склонился над своим маленьким учеником, окутывая его мягким теплом, и негромко объяснял, как ложится тушь, как рождается линия и где кисть должна замереть.

Старший Пэй, до этого безучастно подпиравший книжный шкаф, замороженно смотрел на эту картину. Вдруг, повинуясь странному наваждению, он шагнул вперед и бесплотной тенью вошел в собственное детское тело.

Вернуть контроль над телом он не мог, но теперь до него долетал каждый вздох, каждое движение и каждая крупинка тепла, которую улавливали детские чувства.

— В каллиграфии этого иероглифа, — тихо и неторопливо звучал у самого уха голос Юэ Сючжи, — первое касание лучше делать обратным нажимом кисти. Тогда в линиях появится скрытая сила, они станут крепкими, а сам иероглиф — гармоничным и ясным. Если же совместить это со скрытым переворотом, черта закруглится, напоминая древний стиль чжуаньшу. Это придаст письму величие, глубину и благородную сдержанность...

Каждое слово Юэ Сючжи отзывалось едва заметным теплом на его щеке. Сильная ладонь

мужчины, мягко накрывавшая маленькие пальцы мальчика, бережно вела кисть, выводя безупречные линии.

И хотя детское тело ощущало лишь нежное, уютное тепло, взрослому Пэй Мину казалось, будто кожа в месте прикосновения горит огнем.

— Только так рождается истинная каллиграфия — легкая и исполненная внутренней силы. А теперь попробуй сам, покажи наставнику.

Малыш послушно и чрезвычайно серьезно обмакнул кисть в тушечницу и вывел иероглиф еще раз.

Юэ Сючжи одобряюще произнес, разглядывая работу:

— Суть ты уловил. Но рука еще дрожит, впрочем, для твоих лет это естественно. С завтрашнего дня начнешь тренироваться с утяжелителем на запястье. Договорились?

Любой другой ребенок на его месте взвыл бы от досады, услышав о таком суровом наказании, но Сяо Пэй лишь прилежно кивнул.

Юэ Сючжи, поколебавшись, заботливо спросил:

— Не слишком тяжело для тебя?

— Вовсе нет, — мотнул головой мальчик. — Я знаю, что наставник желает мне только добра.

Юэ Сючжи с теплотой погладил его по голове, невольно подумав, до чего же покладистый и разумный ему достался ученик.

«В пять лет я уже нахлебался горя по горло, — мысленно усмехнулся Босс Пэй. — Разве такая ерунда может показаться тяжелой? Я тогда от счастья прыгал...»

Идущие по пути совершенствования должны познать предельную горечь, чтобы возвыситься над смертными. Если бы Юэ Сючжи в его прошлом проявлял хоть каплю такой же заботы, он был бы на седьмом небе от счастья...

Эта горькая мысль промелькнула в его сознании столь стремительно, что он даже не успел ее толком осмыслить.

Два месяца пролетели незаметно. Сяо Пэй тренировался на пределе возможностей. Помимо уроков, которые давал ему наставник, мальчик ежедневно совершал не менее трех тысяч взмахов мечом. Вес утяжелителей на его запястьях постоянно рос; вскоре обычный речной песок заменили тяжелым железным отсеком — для тела юного заклинателя, укрепленного духовной энергией, это не представляло опасности.

Юэ Сючжи не раз с гордостью замечал, что великие мастера древности могли писать так, что их штрихи уходили в глубь доски на несколько вершков. Если Пэй Мин продолжит в том же духе, то вскоре его кисть станет острее и тверже любого стального клинка.

Еще неделю назад Сяо Пэй преодолел барьер седьмой ступени Царства Духовных Мастеров. Сегодня настал день, когда им с Юэ Сючжи надлежало отправиться на давно запланированный поединок с Ци Фэном.

О готовящемся поединке заранее известили как самого заносчивого мальчишку, так и его наставника — главу секты Фу Юаня. Ци Фэн хорохорился, заявляя, что не боится соперника, и призывал того поторапливаться. Фу Юань же не имел ничего против. В Секте Девяти Сияющих Небес подобные тренировочные бои приветствовались: в мире, где царил культ силы, соперничество лишь подстегивало молодых заклинателей. Правила секты строго запрещали лишь смертоубийство и калечащие удары, в остальном же старейшины не вмешивались.

Разумеется, это касалось лишь официальных вызовов, проходящих на арене. За закрытыми же дверями любые драки карались со всей строгостью.

Когда Юэ Сючжи привел ученика к помосту, Ци Фэн уже ждал их на арене, нетерпеливо расхаживая взад-вперед.

За два месяца Пэй Мин совершил невероятный рывок от простого смертного до духовного мастера седьмой ступени. Однако и его противник не терял времени даром: Ци Фэн поднялся на восьмую ступень. Как-никак, он считался одним из талантливейших учеников главы секты, и Фу Юань лично руководил его тренировками.

У главы Секты Девяти Сияющих Небес, в отличие от безлюдного Пика Люя, где Пэй Мин оставался единственным учеником, последователей хватало — под его началом обучались восемь человек. Лучшим среди них по праву признавали старшего ученика, Фу Юньсю. Приходясь главе секты дальним родственником, этот юноша унаследовал редчайший дар семьи Фу и был принят на обучение в самом раннем детстве. К пятнадцати годам он уже достиг поздней стадии Царства Духовного Очарования.

В романе Фу Юньсю играл далеко не последнюю роль, являя собой полную противоположность Пэй Мину. Главный герой рос безжалостным циником; тяжелое детство сделало его равнодушным ко всему миру и беспощадным к врагам. Фу Юньсю же, напротив, был образцом благородства. Он обладал безупречными моральными ориентирами, добрым сердцем и острым умом, никогда не опускался до слепой сентиментальности, но и не кривил душой. Именно поэтому Пэй Мин, хоть и недолюбливал этого праведника за его статус преемника главы

секты, в итоге пощадил его.

Когда в оригинальной истории Пэй Мин стер Секту Девяти Сияющих Небес с лица земли, именно Фу Юньсю собрал уцелевших адептов и основал новый клан, сохранив наследие предков от полного забвения.

А так подробно расписывать его характер стоило лишь ради одной детали: именно этот честный, благородный юноша служил для Юэ Сючжи главным ориентиром в воспитании собственного ученика.

Десятилетний Ци Фэн стоял в центре помоста. Строя из себя умудренного опытом воина, он сложил руки на груди и вызывающе крикнул:

— Пэй Мин! Ну что ты медлишь? Принимай вызов! Сегодня я докажу всем, что ты недостойн звания ученика Достопочтенного Фатаня!

От этих слов Пэй Мин так разозлился, что смешно надул круглые щеки.

Юэ Сючжи лишь мысленно покачал головой. Какая нелепость — два карапуза устроили из-за него настоящую сцену ревности.

Впрочем, именно ради этого он и затеял поединок. Наставник давно заметил, что в глубине души Сяо Пэй страдает от неуверенности. Ему казалось, будто он недостойн своего невероятного везения, и мальчик никак не мог поверить в реальность происходящего. Подобная робость мешала развитию истинного таланта, и Юэ Сючжи решил выбить эти глупые мысли из его головы.

Юэ Сючжи наклонился к притихшему ученику и тихо подбодрил его:

— Не бойся, А-Мин. Покажи им, на что способен. Докажи всем, что ты — моя самая большая гордость.

Глаза мальчика мгновенно вспыхнули радостным блеском, но он тут же насупился, пытаясь скрыть восторг за напускным безразличием:

— Подумаешь, гордость... У наставника ведь все равно других учеников нет.

И хотя он старался звучать ворчливо, уголки его губ сами собой поползли вверх.

Юэ Сючжи тихо рассмеялся:

— Только потому, что мой А-Мин — самый лучший. Зачем мне кто-то еще?

От таких слов кроха окончательно лишился дара речи. Все его напускное упрямство испарилось без следа. Словно на крыльях, он взлетел по ступеням помоста и, лишь оказавшись лицом к лицу с воинственно настроенным противником, наконец взял себя в руки.

Между тем Юэ Сючжи поднялся на трибуну для почетных гостей. Места для зрителей уже были забиты до отказа. Шутка ли — бой между учениками главы секты и самого Достопочтенного Фатаня! Один — признанный вундеркинд, другой — легендарный обладатель девяти духовных каналов. И хотя оба соперника были еще сущими детьми, по силе они не уступали взрослым адептам после десятилетий изнурительных тренировок.

В толпе даже начали шептаться о подпольном тотализаторе.

Круглощекий адепт лет пятнадцати весело зазывал толпу:

— Принимаю ставки! На победу Ци Фэна — один к двум! На Пэй Мина — один к трем! Торопитесь, господа, ставки сделаны, ставок больше нет!

Один из стоявших рядом учеников удивленно спросил:

— Послушай, Пэй Мин хоть и мал, но все же обладает девятью духовными каналами. Почему на него такой высокий коэффициент?

— Сам же говоришь — он еще дитя, — отозвался другой. — Мальчишке всего пять лет, в секте он без году неделя, а до этого вообще не притрагивался к культивации. Куда ему тягаться с Ци Фэном, который тренируется уже седьмой год?

— Вот именно, — поддакнул зазывала. — К тому же Ци Фэн уже на восьмой ступени Царства Духовных Мастеров, а Пэй Мин едва достиг седьмой. Да и поднялся он так высоко всего за пару месяцев. Дай бог ему устоять против равного соперника с прочным фундаментом, а тут — разница в уровне! Сами знаете, в Царстве Духовных Мастеров после шестой ступени каждый шаг дается с огромным трудом, а разница в силе между ними — как небо и земля.

Окружающие согласно закивали. Несмотря на заманчивый куш, рисковать никто не желал — почти все золото ставили на Ци Фэна. Испугавшись банкротства, круглощекий букмекер спешно переписал табличку, снизив коэффициент на победу фаворита до одного к полутора, а на Пэй Мина подняв до одного к четырем.

Юэ Сючжи мысленно усмехнулся. Как и положено в классических историях о героях-культиваторах, любой важный поединок непременно сопровождался тотализатором. И, разумеется, ставки на главного героя всегда оказывались самыми невыгодными по мнению толпы, благодаря чему сам он впоследствии срывал огромный куш.

Он перевел взгляд на маленького Пэя, стоявшего на арене. «Кроха еще слишком мал, чтобы сообразить, какая выгода сама идет ему в руки. Что ж, придется заботливому наставнику помочь ему раздобыть немного карманных денег».

Сумма для него была ничтожной, но почему бы не развлечься?

Юэ Сючжи достал из пространственного кольца несколько первосортных духовных камней и протянул их стоявшему поодаль Лю Фэну, велел поставить все на победу своего ученика.

— Ты ли это, Юэ Сючжи? — изумился Лу Фань, заметив его жест. — С каких пор ты опустился до ребяческих забав? Обирать собственных младших учеников... Не стыдно?

— Вовсе нет, — невозмутимо отозвался Юэ Сючжи. — Я всего лишь взял часть духовных камней, которые припас для А-Мина в качестве подарка на Праздник весны. Пустим их в оборот. Разве плохо, если к празднику его кошель немного потяжелеет?

<http://bllate.org/book/20589/2130815>